

Юлия Набокова

Скандал в вампирском семействе

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)
Н14

Набокова, Ю.
Н14 Скандал в вампирском семействе / Ю. Набокова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 442 с. — (Вампирская сага Юлии Набоковой).

ISBN 978-5-517-01659-1

Скандал в благородном семействе потомственных вампиров! Младшенькая двадцатилетняя Лиза влюбилась. В человека! Родители приняли известие в клыки. Возлюбленный не подозревает, что Лиза — вампир. Ох, что теперь начнется!

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-01659-1 © Набокова Ю., 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ПРОЛОГ

Мороз-художник рисует на окнах домов ледяные узоры. Подсвеченные изнутри, окна похожи на расписанные абажуры. За каждым теплится жизнь. Каждое освещенное окно — дверь в человеческую жизнь, короткую, стремительную, но полнокровную. Заглянуть бы туда хоть на миг, погреться в огне чужого очага, украсть мгновение чужого счастья — но поздно.

Смеясь и повизгивая, меня обгоняют три румяные студентки и юркают в теплое нутро подъезда, торопясь согреться. Если верить новостям, последний раз такая стужа в Москве была зимой 1899-го. Я тогда была еще девочкой и целыми днями просиживала у камина, грея озябшие руки. Теперь я не чувствую холода, ведь моя собственная кровь не теплее, чем снег, который не тает на губах. К заледенелому асфальту примерзла дохлая крыса, и я брезгливо обхожу ее. В кино любят показывать вампиров, которые пьют крысиную кровь. Лично я таких за сто лет не встречала ни разу.

Поздние прохожие кутаются в шарфы, торопясь добраться домой. Их день заканчивается. Моя ночь только началась. Впереди, вывернув из-за угла, маячит тоненькая женская фигурка. Приталенная дубленка, высокие сапоги, распущенные платиновые волосы из-под теплой шапочки — мне хватает секундного ос-

мотра, чтобы прибавить шаг. Девушка следит за собой, значит, ее кожа будет чистой, а тело будет пахнуть французскими духами...

Жертва почуяла меня, когда нас разделяет шагов пять. Испуганно оборачивается, и на хорошеньком личике отражается облегчение. Роковая ошибка. Никогда не стоит недооценивать хрупких блондинок, выглядящих на двадцать лет. Ведь они могут оказаться столетними вампирами. Она даже не успевает ничего понять, когда я стремительно шагаю к ней, поймав концы алого шерстяного шарфа, и рывком притягиваю к себе, нетерпеливо вдыхаю аромат ланкомовского парфюма. Ничего личного, я просто голодна. Шарф стекает к ногам послушной змейкой. Клыки резко прошивают шею, и жертва безвольно обмякает, пока я лакоплюсь ее кровью. Закончив, я осторожно опускаю ее на землю и отступаю на шаг.

Девушка оказалась слабой. Я выпила совсем немного ее крови, но она свалилась в глубокий обморок. На улице холодно, бросить ее там значит подвергнуть опасности. Остаться рядом — значит подвергнуть риску себя. Я уже делаю шаг в сторону, когда под ногами вибрирует мобильный, выпавший из ее сумочки. Из любопытства я поднимаю его и открываю входящую эсэмэску. «Сижу в аэропорту, жду посадки. Хочу скорее к тебе! Люблю, скучаю. До встречи, милая!»

В коротком сообщении таится целая история любви и разлуки, предвкушение скорого свидания, признание в чувствах и обещание счастья. Девушка, которую я равнодушно бросила к ногам, насытившись, для кого-то была самой любимой и самой желанной на свете. И сейчас речь идет не только о ее жизни, но

и о счастье незнакомого мне мужчины по имени Дмитрий. Заслышав шаги в стороне, я делаю то, чего не делала никогда в жизни: бросаюсь навстречу позднему прохожему с криком «Помогите, там девушке плохо!» Убедившись, что моей жертве ничего не грозит, я исчезаю. Прихожу в себя уже у дверей бункера: у меня в руке пиликает чужой мобильный.

«Объявили посадку. Увидимся в Москве! Хочу скорее тебя обнять», — я читаю это послание, отправленное не мне, и в груди стоит горький ком. Никто никогда мне такого не напишет. Даже спустя тысячу лет. Я запираюсь в своей комнате и читаю все сообщения в памяти телефона. Их около тридцати. История любви в эсэмэсках — трогательная и завораживающая. Подсмотренная, украденная, чужая. Меня душат слезы от сознания того, что моя юность ушла, похоронена в склепе вместе с Алексеем, и в моей жизни уже никогда не будет ни щемящей нежности, ни сладостных поцелуев, ни романтических посланий...

Вампирам не пишут эсэмэски. По вампирам не скачут. К вампирам не торопятся из аэропорта и после работы. Люди сами не понимают, какие они счастливые, до тех пор, пока некоторые из них не становятся вампирами. Но тогда уже слишком поздно. Счастье осталось в прошлом. Впереди — вечность и одиночество со вкусом крови на губах.

Уж я-то знаю.

Часть первая ИГРА В ВАМПИРА

— 1 —

— Бетти, перестань грызть ногти! Тебе же все-таки сто двадцать лет!

Блондинка, сидящая напротив за столом, смерила меня раздраженным взглядом и с досадой отставила бокал с темным содержимым — половина французского бордо 1950-го года, половина сыворотки первой группы. Со стороны мы могли бы показаться подругами — одного возраста, девушки лет двадцати, белокурые, модно одетые. Но прислушаться к нашему разговору — сомнений не останется. Позвольте представить мою мать Лидию — эталон элегантности, женственности и превосходных манер. И я, ее беспутная дочь, Лиза или, как по старинке зовут меня родители на английский лад — Бетти (хотя лично меня это страшно раздражает, и я считаю, что это имя мне не идет).

В отношениях со мной родительница никак не определится. Если бабушка Софья, в соответствии со своим статусом, меня все время воспитывает и поучает, то Лидия так и не решила — мать она мне или подруга. Временами на нее нападает материнский инстинкт, тогда она начинает вести себя как курица-наседка, именует меня дочуркой и требует называть ее

мамочкой. К счастью, периоды насадки сменяются периодами закадычной подруги. Тогда Лидия кокетливо стонет, что она не может быть мамой такой взрослой дочери, как я, набивается ко мне в подружки, просит величать ее по имени и ночи напролет зажигает со мной в ночных клубах, которые не так давно, в припадке материнского маразма, называла гнездом разврата, а также заимствует у меня маечки, за вульгарность которых отчитывала накануне. Сейчас был как раз этот период. Но Лидия об этом, похоже, забыла, так как выдала свой нравоучительный пассаж из репертуара насадки.

— Хорошо, мамочка, — смиренно отзываюсь я, зная, что ничто так не выводит родительницу из себя, как подобное обращение в период закадычной подруги.

На удивление, Лидия на мою дерзость никак не реагирует, продолжая нервно постукивать ногтями алого цвета по столу. Я с сожалением смотрю на свои руки — свежий французский маникюр был безнадежно изгрызен. Дурацкая привычка никогда не позволит мне соперничать в совершенстве облика с Лидией. Хорошо хоть в зале по обыкновению царил полумрак, и мой конфуз оставался незаметным для других.

По углам сгущается тьма, тусклые светильники на потолке освещают только длинный прямоугольный дубовый стол, за которым собралась вся наша семья. Стол был точной копией того, что стоял до революции в нашем петербургском особняке. Еще в те годы он давно утратил свои обеденные функции — ведь еда после *превращения* нам становилась не нужна. Но и тогда, и сейчас, мы по привычке собирались за большим

столом, когда нужно было обсудить важные вопросы и принять решение, которое касалось всех.

— Итак, — подает голос отец, — у кого какие соображения?

Для солидности он сегодня ночью надел строгий черный костюм, но выглядит все равно как мальчишка — русоволосый, с мягкими кудрями и гладкими щеками. Вампиром он стал в двадцать два года, когда у него еще борода не начала расти. И сейчас, больше века спустя, он ничуть не изменился. Девочки-подростки до сих пор ему глазки строят. А однажды к нему на улице подошла помощница режиссера и предложила сняться в «Кадетах». И что вы думаете? Мамочке так пришлась по душе эта идея, что она уговорила папу прийти на съемочную площадку. По сценарию ему отводилось несколько серий — и, можете себе представить, никто не заподозрил в нем стосорокалетнего старикана. Хотя понудеть папочка умеет — и с годами все больше и больше.

— Да, подбросил нам Герасим проблем, — замечает тем временем бабушка Софья, с озабоченным видом накручивая на палец золотисто-русый локон.

Между прочим, из всех собравшихся за столом, она выглядит самой юной. Ирония судьбы! Я младше всех, а в этой компании малолеток сойду за самую взрослую. Я стала вампиром позже всех женщин в нашей семье — в двадцать один. Мама — в восемнадцать, бабушка — в шестнадцать.

Так уж у нас повелось, что вампирами становятся после рождения наследников, которым суждено продлить княжеский род Воронцовых. Появился на свет малыш — молодые родители, намыв шеи до блеска,

идут к матери с отцом и с почтением принимают *укус вечности* и последующее *превращение*. А воспитанием ребенка в дневное время занимается няня. Так как род у нас древний, то и няньки у нас потомственные: привыкли к тому, что их господа — вампиры, поэтому лишнего не болтают, а за свои труды получают по царски. Каждая нянька, вырастив господского ребенка до совершеннолетия, может изъявить желание сделаться вампиром. Но, как правило, к тому времени у нее самой уже семеро по лавкам, которые требуют присмотра, возлюбленный муж-пьяница, без которого она жизни не представляет, тут уж не до бессмертия.

А почему я позже всех вампиром стала? Так уж получилось. Бабушка родила в шестнадцать и сразу поспешила шею под укус подставить. Мама родила нас с братом в восемнадцать и не стала медлить с *превращением*. Может, сейчас уже пожалела, что поторопилась. Когда папу на съемки кино пригласили, мамочка, всегда мечтавшая о кинославе, тоже прибежала режиссеру на глаза показаться. Да только в «Кадетах» для нее роли не нашлось, а в «Универ» ее не взяли — сказали, очень юна. Мамочка такой скандал режиссеру закатила, что он поторопился пригласить ее на кастинг в «Ранетки» и всучил сценарий, обещая взять на главную роль. Вот только мама как дома сценарий прочитала, так той же ночью хотела режиссера покусать. До смерти. Насилу удержали! Так что благодаря нашему с папой героизму «Ранетки» идут и процветают. А мама, похоже, уже жалеет, что погорячилась, посчитав сериал низкопробной подделкой. Но ничего, я уверена, она своего не упустит и обязательно до-

ждется звездного часа. Уж что-то, а вечность на ожидание у нее есть.

Так вот я вампиром стала в двадцать один. К счастью, даже рожать не пришлось. По нашим правилам, достаточно одного наследника. Поэтому, когда мой брат-близнец Анатоль обрюхатил свою молодую жену Анфису, и та родила продолжателя нашей династии, нас всех троих в один день и покусали. Нас с братом — по доброй воле, а молодую мамашу — против ведома. Неизвестно еще, как бы она отреагировала, открой муж ей всю правду! Зато теперь вон ходит счастливая: ее ровесницы уже давно в земле гниют, а она знай себе шкафы новыми шмотками от Шанель набивает, да один за другим строчит романы о современных вампирах. Поклонников у нее — тьма! Родители когда первую книгу прочитали — чуть от склепа ее не отлучили. Ведь всю правду о нас выложила, поганка! Хоть бы приврала что для красного словца! На семейном совете по случаю выхода книги стены ходуном ходили — такой крик стоял. Думали все — кончилась наша тайная жизнь, теперь спасу от людей не будет. И что вы думаете? Никто не поверил! Глупые людишки восхваляли бурную фантазию нашей Анфиски и непредсказуемый сюжет книги. Поразительно, как они могут быть слепы. Зато нам это только на руку. Родители подулись на Анфиску и перестали, а уж когда ее книжки начали приносить доход, а она сама перестала кланчить семейные драгоценности, чтобы на продажу от них купить себе обновки, предки и вовсе горячо одобрили ее литературные занятия. Главное, что и Анфиса довольна, и прабабкины бриллианты целы, а с недавних пор еще и папочка